

ТАТЬЯНА БАТУРИНА

О Горьком писать трудно. Как-то не складывается в слова этот человек-глыба.

Художник П. Корни, живя у Горького в Италии в 1932 г. написал его портрет. По земле идет человек, высокий и крепкий, как старый дуб. Позади, в тумане, очертания пройденных дорог, небо в клоках разорванных солнцем туч. А он все шагает по земле, о которой сказал как-то: «Мы ее, несчастную красавицу, замученную и захватанную всякими пошлыми и грязными лапами, так распишем — не земля, сказка будет!». Шагает, оставляя за собой пройденные пути.

Вот таким, шагающим по земле великаном и мыслится Горький.

Кто-то заметил, что Горький никогда не написал бы нечто подобное прекрасной пушкинской «Элегии», «насыщенной печалью примиренности» с неизбежным. Не мог бы написать, потому что натура его всегда была в состоянии борения и элегическое настроение было не свойственно ему.

— Жизнь есть деяние, — говорил он. И утверждал жизнь как деяние — своим творчеством, своим отношением к миру, даже внешним обликом.

Те, кто знал Горького, отмечали о его внешности созвучие крайностей. К. Чуковский вспоминает, что на лице его чаще были заметны два противоположных выражения. Он бывал суров, мог казаться хмурым, даже мрачным. И он бывал празднично весел, ласков до умиленной влюбленности. Гнев и восхищение — его обычные эмоциональные состояния, потому что он никогда не мог превратиться в человека золотой середины. Он весь состоял из контрастов, он ненавидел или любил. Он утверждал

или отрицал. Таким был он в повседневности, таким был он в творчестве. Яркий, праздничный, влюбленный в людей и гневающийся на несовершенство мира, поспевающий и разоблачающий, он создал свой Неповторимый горьковский мир в искусстве, свой, горьковский стиль, горьковских героев...

О влиянии Горького на советскую литературу можно говорить бесконечно. Несть числа примерам его поистине непомерной заботливости, которую простирал он на каждого, в ком чувствовал дарование.

Он благословил на творчество В. Маяковского, Вс. Иванова, К. Федина, Л. Леонова. М. Исаковского. Благодаря ему Грин написал свои «Алые паруса». Не без его влияния А. Толстой вернулся на родину. А сколько он сделал, чтобы сохранить для России культурные ценности в метельные годы гражданской войны.

Он был не только родоначальник и опекун всей молодой советской литературы, но и ее теоретик, критик, историк литературы, публицист, наконец, человек, неслыханной эрудиции. Словом, он был Горький, разнообразный и многоликий, энциклопедист нашего времени.

И все-таки прежде всего он был художник, сотворивший на земле чудесную «сказку». Пожалуй, никто из писателей не потрудился так, чтобы разукрасить замученную красавицу землю. Он украшал ее, творя легенды. Солнечно яркие герои его сказок, созданных в конце прошлого века, пришли, казалось, из другого мира, ПИ царили свобода и красота. Люди, увидев их, почувствовали, как скучна их жизнь, как бедна впечатлениями и радостями, а захотели сделать ее другой.

Молодежь заучивала наизусть его «Сокола» и «Буревестника». Она

произносила их слова, как клятву, как пароль сподвижников по борьбе за прекрасное будущее. Все, творимое им, несло в себе заряд действия.

Сейчас стали афоризмами горьковские слова: «В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам», «Краше солнца — нету в мире бога, нет огня — огня любви чудесной!». «Рожденный ползать — летать не может!». «Безумству храбрых поем мы песню». «Пусть сильнее грянет буря». «Работа — выше медных и серебряных денег...», «Гора становится долиной, когда любишь!». «Без солнца не цветут цветы, без любви нет счастья, без женщины нет любви, без Матери — нет поэта, ни героя!». «Мать всегда против смерти». «Все хорошее от человека». «Человек — это звучит гордо!», «Все — в человеке, все для человека!». «Правда — бог свободного человека», «Люди дают то, что спрашивают у них». «Дети — цветы жизни» и т. д., и т. д.

Они вошли в жизнь, как когда-то строки из «Горя от ума». Пожалуй, немного можно найти примеров такой действенности слова. И это лучшее свидетельство жизненности его «сказок». Они были рождены самой жизнью, острой тоской по значительному, яркому, извечно свойственной человеку, получившей в конце прошлого — начале нынешнего исков — совершенно определенные очертания протеста против капиталистической действительности с ее неравенством, с ее торгашеским духом, с ее мещанской, тусклой мудростью.

«Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь», — эти слова Андерсена Горький предпослал своим «Сказкам об Италии».

Сначала он выдумывал свои сказки, потом, когда жизнь стала сама рождать их, бросился собирать их с присущей ему широтой и размахом. Он писал о Ниловне, героине романа «Мать», что она портрет известной ему матери революционера-рабочего Петра Заломова. Конечно же, она была не только портретом, но и блестящим предвидением. Многим она показалась плодом писательского вымысла, даже

критик-большевик В. В. Боровский считал ее образ нетипичным.

Но Горький не выдумал Ниловну, он просто подглядел одну из прекрасных «сказок», рожденных самой действительностью. Он всегда ценил присущую народному творчеству способность домысла, способность предугадывать будущее. Развивать эту способность он призывал советских писателей и в высшей степени обладал ею сам.

В начале XX в. такие матери-революционерки, вчера еще темные и забытые существа, были редким явлением, но ведь в сущности успех революции зависел от того, насколько проникнутся ею, поймут, поддержат ее такие вот рядовые труженики, масса.

«Своевременной», «нужной» книгой назвал В. И. Ленин «Мать», увидевший в ней могучее средство воспитания революционной сознательности. Ленин подметил главное свойство горьковского дарования — действенность. «Мать» стала настольной книгой революционеров, как когда-то «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Хорошо об этом сказал болгарский писатель Людмил Стоянов: «Мать» и «Враги» Горького превратились в настоящую школу революционного воспитания рабочих».

«Рабочие, находящиеся в этой аудитории, разве вы забыли «Мать»? — воскликнул англичанин-коммунист, общественный деятель и литературовед Ральф Фокс, на митинге, посвященном смерти Горького. Само название романа Горького звучало как утверждение высоких идеалов социалистической революции. Трудящиеся всего мира полюбили Горького как своего писателя - революционера.

«В Англии, — говорил Фокс, — за последние месяцы умерло три или четыре писателя, среди них, может быть, один из двух великих английских писателей, и в память их не было устроено митингов. А сегодня мы чтим память человека, который по рождению был для нас чужим. Он был так любим за пределами своей стра-

ны, потому что в своем творчестве он искренне отразил страдания, надежды и волю к победе эксплуатируемых во всех частях света».

Известно, что большому писателю присуще свойство открывать то, мимо чего проходят люди с обычным зрением, не замечая. Потом эти открытия могут восприниматься даже как банальные истины, настолько они очевидны, настолько просты.

Сейчас, когда мы говорим, что героем советской литературы является человек труда, эта истина кажется нам аксиомой. Мы произносим при этом известные слова Горького, сказанные им на Первом съезде советских писателей, о труде-герое наших книг, произносим как должное, привычное.

А между тем это было одно из тех замечательных открытий, что переворачивают представление о жизни, об искусстве. Открытие Горького можно сравнить с открытиями закона сохранения вещества, закона тяготения — в науке.

Всегда все, что есть на земле, творил человеческий труд. Но только Горький открыл в литературе человека труда, как главного творца жизни.

От «Мещан» до «Матери», от «Сказок об Италии», «По Руси» до «Жизни Клима Самгина» Горький постоянно рассказывал свою любимую сказку — о людях, творящих на земле «вторую природу», украшающих ее своими руками и мыслью своей.

И он до конца дней своих не уставал удивляться этому человеку, восхищаться им. Тоже свойство большого писателя. Жизнь не может примелькаться для него. Он всегда сохраняет свежесть, остроту восприятия. Истина для него никогда не могла стать банальной. Он завещал эту свою способность видеть прекрасное советским писателям. До конца дней он, писатель-реалист, основоположник социалистического реализма, оставался по духу, по характеру неистощимым романтиком.

Сорок лет назад, в мае 1928 года, Горький приехал на родину из Италии, где он лечился от застарелого

туберкулеза.

Площадь у Белорусского вокзала казалась живым морем, разноцветным, рукоплещущим, волнующимся. И далеко вокруг площади теснились пестрые толпы людей. На перроне ряды красноармейцев в почетном карауле и живая цепочка пионеров с букетами. Делегации. Члены правительства. Страна встречала своего писателя.

Когда бережные руки донесли его до трибуны, он мог сказать только: «Я взволнован и потрясен, дорогие товарищи!.. Вы уже простите меня, я не умею говорить, я уж лучше напишу, что сейчас чувствую».

Он стоял, видимый всем, высокий и крепкий, как старый дуб, — глаза его были влажны от слез.

В тот же день Горький посетил университет имени Свердлова, на следующий день отправился на съезд железнодорожников, через два дня был у рабочих автомобильного завода «АМО» (ныне «ЗИЛ»). Беседовал с рабочими, не забыл побывать и в редакции заводской газеты.

Никому бы не пришло в голову тогда, что он — пожилой и тяжелобольной человек: титанические силы его были настолько очевидны, настолько переливались через край его щедрой души, и никого не удивило, что вскоре писатель предпринял несколько поездок по стране. Курск, Харьков, Куряж, Днепрострой, Запорожье, Кичкас, Крым, Таганрог, Ростов, Баку, Биби-Эйбат, Тифлис, Эривань, Владикавказ, Сталинград, Саратов, Казань, Нижний Новгород, Сормово, Ленинград. Соловки, Мурманск — вехи только первых его поездок.

«Я человек жадный на людей», — писал он незадолго до этого. До последних дней своих оставался он таким, каким был всю жизнь.

От письменного стола, от книг и рукописей, от сложившегося быта влекло его одно — постоянная неутомимая жажда новых впечатлений, новых скалок, творимых жизнью.

То, что увидел он на родине, казалось ему значительнее, неожиданнее любой легенды. Он, как никто другой, знал сколько вокруг еще несделанного, трудного, плохого. Но он умел видеть хорошее, любил его, потому что во имя этого хорошего жил всю жизнь. Потому-то так часто говорит он о том, что надо писать о хорошем, возвышенно писать, яркими, праздничными словами.

«Работа простых людей от станка, от сохи, — не уставал он повторять, — угоден, которые живут в тягостных условиях, поистине героична, но сами герои не понимают этого. Они плохо видят себя и поэтому низко ценят друг друга». Научить человека уважать себя, рассказав ему правду о нем самом, — в этом он видел важнейшую задачу советской литературы.

Завет Горького и ныне актуален, может быть, как никогда. Всякие попытки свести искусство к холодному регистраторству фактов приводят в конечном счете к снижению его художественного уровня, к эмоциональной безликости. А искусство не может существовать без эмоций.

Горький жил для будущего. Потому-то он так любил детей. Любил просто как человек, у которого рос свой сын. Он мог, проходя мимо расшалившихся малышей, совсем не собирающихся спать в положенное время, сказать со всей серьезностью:

Даже кит
Ночью спит?

Он мог переписываться с детьми, как добрый, старший друг, журить их за грамматические ошибки, посылать им книжки, писать для них рассказы.

Но еще чаще он размышлял о значении детства, как мыслитель, как революционер. Он воспринимал детство, как кузницу будущего. Потому-то так часто, заботливо, с тревогой, писал он о детях.

— Эй, вы, люди! Да здравствует ваше будущее! — так обращался он к детям.

Горькому сто лет. Для советских людей это большой праздник, ибо нет на нашей земле человека, который не знал бы, не читал бы Горького. Как прежде, со страниц его книг звучат слова, обращенные к подрастающему человечеству:

— Эй, вы, люди! Да здравствует ваше будущее!

И люди отвечают ему:

— Здравствуй, Горький!